

Бадалян Д. А. «Московский телеграф», «Литературная газета» и III отделение : скрытая механика покровительства и наказания // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2019. — Т. III, № 2. — С. 128–157.

ДМИТРИЙ БАДАЛЯН*

«МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФ», «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА» И III ОТДЕЛЕНИЕ**

СКРЫТАЯ МЕХАНИКА ПОКРОВИТЕЛЬСТВА И НАКАЗАНИЯ

Аннотация: В статье в новой трактовке рассмотрены обстоятельства цензуры и закрытия двух полемизировавших изданий: «Литературной газеты» А. А. Дельвига и журнала Н. А. Полевого «Московский телеграф». Практика покровительства и наказания, реализуемая в отношении их III отделением, и их цензурная история в целом представлены как прелюдия к борьбе «немецкой» и «русской» партий, распространявшейся в 1830-е гг. отчасти и на правительственные круги. Пример этому — скрытая конкуренция III отделения, отстаивавшего интересы «немецкой партии», и Министерства народного просвещения во главе с С. С. Уваровым, выдвинувшим лозунг «Православие. Самодержавие. Народность». III отделение и министерство Уварова использовали в своих интересах частные периодические издания и органы цензуры, которыми оба ведомства обладали по закону. Поэтому более явно их соперничество ощутимо в той борьбе, которая развернулась между журналами и газетами во второй половине 1830-х–1840-е гг. На рубеже 1820–1830-е гг. идеологема «Православие. Самодержавие. Народность» еще не была сформулирована, и Уваров не мог консолидировать вокруг себя какие-либо издания, но уже действовала пресса, поддерживаемая «немецкой» партией. Исходя из ее интересов, начальник III отделения Бенкендорф сумел лишить Дельвига прав на редактирование «Литературной газеты» и привлечь на свою сторону Полевого (прежде рассчитывавшего на поддержку А. С. Шишкова). Бенкендорф покровительствовал «Московскому телеграфу», поддерживая его антидворянский и прозападнический курс, и со снисхождением относился к проводимой в нем завуалированной пропаганде революции. Однако Уваров в 1834 г. добился закрытия журнала.

Ключевые слова: «Литературная газета», журнал «Московский телеграф», А. А. Дельвиг, Н. А. Полевой, III отделение, А. Х. Бенкендорф, цензура, «немецкая партия».

DOI: 10.17323/XXXX-XXXX-2019-III-2-XX-XX.

Два известных периодических издания пушкинской эпохи: издаваемый Н. А. Полевым в 1825–1834 гг. журнал «Московский телеграф» и выходявшая под редакцией барона А. А. Дельвига в 1830–1831 гг. «Литературная газета», как и прочая российская пресса, находились под контролем III отделения. Ведь с момента своего возникновения

*Бадалян Дмитрий Александрович, к. и. н.; старший научный сотрудник отдела редких книг Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), dmit.bad@gmail.com.

**© Бадалян, Д. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

в 1826 г., это учреждение получило функции цензуры. При этом теми же функциями обладало прежде и продолжало обладать Министерство народного просвещения. Иначе говоря, оба ведомства имели обширный инструментарий влияния на печать: набор средств ее поощрения и наказания, которым они пользовались так, как им представлялось нужным, хотя цензура Министерства народного просвещения все же должна была считаться с волей тайной полиции.

I

В ноябре 1830 г. начальник III отделения А. Х. Бенкендорф вызвал к себе А. А. Дельвига и «самым грубым образом» отчитал его за публикацию в 61-м номере «Литературной газеты» (от 28 октября) французского четверостишия Казимира Делавиня, предназначенного для памятника жертвам Июльской революции во Франции¹. На попытки редактора оправдаться и показать, что «ничего недозволенного для печати» он в своей газете не помещал², начальник III отделения в присутствии жандармов, обращаясь к барону на «ты», заявил, что «Литературной газеты» не читает, но знает: «Дельвиг собирает у себя молодых людей, причем происходят разговоры, которые восстанавливают их против правительства». Когда же Дельвиг попытался возразить и на эти обвинения, Бенкендорф выгнал его с криком: «Вон, вон, я упрячу тебя с твоими друзьями в Сибирь» (Дельвиг, 2015: 98–99; Замков, 1916: 265–266). А. В. Никитенко, рассказывая об этом, добавил, что Бенкендорф «назвал Дельвига в глаза почти якобинцем» (Никитенко, 1955: 99).

Вскоре, по указанию Николая I, Дельвигу было запрещено издавать «Литературную газету», о чем 15 ноября ему сообщил письмом председатель Санкт-Петербургского цензурного комитета К. М. Бороздин. И, хотя вслед за тем Бенкендорф прислал к Дельвигу чиновника III отделения с извинениями за допущенную горячность и сообщением, что

¹France, dis-moi leurs noms. Je n'en vois paraître / Sur ce funèbre monument; / Ils ont vaincu si promptement / Que tu fus libre avant de les connaître. Перевод: «Франция, назови мне их имена. Я не вижу их на этом скорбном памятнике: они победили так быстро, что ты стала свободной прежде, чем узнала их» (Сперанская, 2013: 152).

²Цензор В. Н. Семенов, пропустивший четверостишие в печать, 31 октября писал в свое оправдание председателю Санкт-Петербургского цензурного комитета К. М. Бороздину: «...по чистой совести не нашел я ничего противного законам отечественным и правилам цензурным, и сие тем более, что смерть людей, на памятник коих предположено сделать сию надпись, сопряжена с новым правительством Франции, которое, сколько известно по официальном статье ведомостей, признано Россиею и прочими державами Европы» (Замков, 1916: 263).

«Литературная газета» может продолжить издание под руководством О. М. Сомова³ (являвшегося помощником редактора), Дельвиг впал в апатию, спустя несколько недель заболел и 14 января скончался. Многие из современников считали его скорую кончину итогом потрясения, пережитого в результате выволочки, устроенной ему Бенкендорфом (Никитенко, 1955: 99; Анненков, 1881: 233).

В один день со злосчастной публикацией в «Литературной газете» в выходящей в Петербурге на французском языке газете «Le Furet» были упомянуты Делавинь и его стихотворение «Неделя в Париже» («Une Semaine de Paris»), которое воспевало недавнюю французскую революцию (хотя в газете о том, конечно, не говорилось ни слова). И, когда Бенкендорф обратился к министру народного просвещения светл. кн. К. А. Ливену с отношением о газете Дельвига, он вслед за тем сделал упрек за «совершенно неуместные» статьи в «Le Furet» (Замков, 1916: 260). К этому отношению был приложен 86-й номер французской газеты, тот самый, где упоминался Делавинь и его стихотворение. Однако, как подчеркивает Н. М. Сперанская, начальник III отделения не обратил на это совершенно никакого внимания, а указал министру на статью «Наследный принц Франции в харчевне» («La Prince de France à l'auberge») (Сперанская, 2013: 146–147). Очевидно, публикация четверостишия Делавиня для III отделения была лишь поводом, чтобы приструнить Дельвига и лишить его газеты.

Спустя несколько месяцев Полевой на страницах журнала «Московский телеграф» заявил:

Каждое великое событие, каждый великий переворот в мире, необходимо сопровождаются насильственными, тяжелыми для современников следствиями. Весьма часто, и почти всегда, благо остается для потомства, зло терпят современники. Таковы неисповедимые судьбы Бога [...]. Человек содрогается, видя гибель тысячи жертв в политическом перевороте — но землетрясения, поглощающие целые области, но огонь молнии, сжигающий целые города, но свирепость водной стихии, даже смерть, поражающая доброе, милое, цветущее создание и забывающая дряхлого злодея? Не такие ли это задачи, пред которыми также содрогается человек? (Н. А. Полевой, 1831: 519).

³Вероятно, это произошло не позднее 19 ноября, когда официальным письмом Дельвиг передал Сомову дела по изданию «Литературной газеты», и было результатом заступничества Д. Н. Блудова, товарища министра народного просвещения и временно управлявшего Министерством юстиции (Замков, 1916: 270).

Отреагировало ли на такую слегка завуалированную апологию революции III отделение? Да, но только спустя четыре месяца⁴. 8 февраля 1832 г. Бенкендорф обратился к редактору «Московского телеграфа» с личным письмом, из которого, чтобы оценить его стиль, приведем несколько фрагментов:

Милостивый государь Николай Алексеевич! Я не решился бы писать к вам и делать мои замечания на ваши сочинения, если бы неоднократные опыты вашего ко мне доброго расположения не давали мне права полагать, что рассуждения мои вы примете доказательством моего к вам уважения и доброжелательства (Бенкендорф, 1866: 1753).

Далее, в самых деликатных выражениях указав на опубликованные Полевым мысли о революции и насильственных переворотах, Бенкендорф подчеркивал, что «это не литература, а совершенное рассуждение о высшей политике», т. е. то, что в силу закона было запрещено для периодических и иных частных изданий. Начальник III отделения продолжал:

...как человек, желающий вам добра, советую не печатать подобных статей в вашем журнале, которые сколько вредны, столько же и нелепы. Вникните, милостивый государь, какие мысли вы внушаете людям неопытным! (там же: 1754–1755).

И уже почти в конце пространного письма Бенкендорф говорил:

Я надеюсь, что вы с благоразумием примете мое предостережение, и что впредь не поставите меня в неприятную обязанность делать невыгодные замечания насчет сочинений ваших и говорить вам столь горькую истину (там же: 1755–1756).

Как объяснить такое разительное отличие в отношении к двум одновременно выходившим и соперничавшим изданиям? Если рассматривать его в русле традиционных подходов, усвоенных XIX столетием от историков, подобных А. Н. Пышину, А. М. Скабичевскому или М. К. Лемке, т. е. в парадигме перманентного противостояния общества и власти, такой контраст кажется парадоксальным, не поддающимся объяснению.

Между тем, борьба велась (как правило, скрытно) и внутри правительственной сферы, в том числе — между отдельными ведомствами.

⁴Цензурное разрешение на 16-й номер «Московского телеграфа» было выдано 25 сентября 1831 г., а вышел в свет он, вероятно, в октябре.

Иногда эта борьба достигала такого масштаба, что захватывала и общество: ведомства находили себе сторонников и противников среди соперничавших общественных групп.

Если же говорить конкретно о двух описанных коллизиях, ключ к их пониманию был предложен почти два десятилетия назад О. А. Проскуриным, который взглянул на историю «Московского телеграфа» и «Литературной газеты» в связи с деятельностью придворной «немецкой партии». Проскурин первым отметил: «III отделение выражало интересы по преимуществу привилегированной этнической группы внутри правящей элиты — „русских немцев“» (Проскурин, 2000: 317). При этом ведомство Бенкендорфа умело запугивало Николая I угрозой, исходящей трону от «русской партии», ведь в заговоре 14 декабря участвовали выходцы из лучших дворянских фамилий! Одним из неформальных лидеров «немецкой партии» Проскурин называет светл. кн. Ш. К. Ливен, мать министра народного просвещения светл. кн. К. А. Ливена, и дипломата, генерал-адъютанта Х. А. Ливена, женатого на сестре Бенкендорфа (там же: 318).

Что такое «немецкая партия»? Зачастую о таковой говорят, подразумевая влиятельную придворную группировку. На ее деятельность в 1820–1830-е гг. указывали, к примеру, М. М. Сафонов⁵, Л. В. Выскочков (Выскочков, 2006: 85, 426) и Р. Г. Скрынников (Скрынников, 2004: 283, 340, 349). Нередко о «немецкой партии» («немецкой фракции») рассуждают в связи с группировками, действовавшими внутри одного учреждения, общества или корпорации, например, среди профессоров Московского университета (Петров, 1997: 9, 12, 172) или офицеров флота (Копелев, 2010: 28, 59–60 и др.). Иногда такие группировки лишь мирно дистанцировались друг от друга, как в 1811 г. у офицеров квартирмейстерской части Главного штаба (Муравьев, 1986: 72). Иногда их отношения выливались в конкуренцию и интриги⁶. Иногда

⁵Так этот автор определяет окружение вдовствующей императрицы Марии Федоровны (урожденной принцессы Софии-Доротеи Вюртембергской), которое составляли, в частности, герцог А. Вюртембергский, граф Е. Ф. Канкрин, а также П. В. Лопухин и князь А. Б. Куракин. Их союзниками Сафонов называет М. А. Милорадовича и графа Н. С. Мордвинова (Сафонов, 1996: 536–539; Сафонов, 2011: 324). В работах, где указывается на существование придворной «немецкой партии» в 1840–1880-х гг., под ней, как правило, имеют в виду «проостзейскую партию».

⁶Например, высокопоставленные врачи-иностранцы из «Немецкого врачебного общества Санкт-Петербурга» в 1832–1833 гг. препятствовали утверждению устава «Общества русских врачей в Санкт-Петербурге». Преодолеть их сопротивление помогла поддержка генерал-штаб-доктора С. Ф. Гаевского и директора канцелярии Мини-

их противостояние отражало борьбу принципиально разных научных концепций, как в Русском географическом обществе во второй половине 1840-х гг. (Найт, 2005: 157–166). Широкую панораму противостояния с «немецкой партией» на протяжении XVIII–начала XX столетий представил С. М. Сергеев, который описывает ее как своеобразный этнокласс (Сергеев, 2010: 57).

Проскурин, принимая вместе с большинством исследователей в этой ситуации термин «партия», определяет ее как «немецкую властную группировку» (Проскурин, 2000: 318). Продолжая его мысль, можно сказать, что в светских, общественных и даже литературных кругах имели место отношения, подобные тем, что описаны, к примеру, Копелевым у немцев в российском военном флоте (Копелев, 2010: 288–289), с той же системой патроната и связей: горизонтальных и вертикальных, доходящих до ближайшего окружения императора. Однако добавим: состав и клиента «партии» не ограничивались одной-единственной национальностью. Да, ее верхушку и костяк составляли немцы-остзейцы, но их помощниками и союзниками выступали порой выходцы из других стран, поляки и даже русские дворяне. Примером этому служат Ф. В. Булгарин, О. И. Сенковский, светл. кн. А. А. Суворов (воспитанник иезуитского пансиона и Геттингенского университета), а во второй половине столетия — П. А. Валуев, А. Е. Тимашев, гр. П. А. Шувалов и т. д.

Что их объединяло? Часто — общие интересы: социальные, политические или просто материальные (высокопоставленным русским чиновникам предлагали дипломы и привилегии остзейских рыцарей). Еще чаще — общие воззрения. В эпоху начала процесса *nation-building*, т. е. формирования в русском обществе представлений о нации, национальной культуре, национальных интересах и всего того, что позднее обобщенно назовут национальным сознанием, «немецкая партия» продолжала мыслить категориями европейского космополитизма. Представления о родине и нации для остзейцев (как и для большинства приезжих иностранцев) заменяла идея подданства: они служили не стране, а империи. Точнее сказать, служили императору так же, как их предки — своему сюзерену. Платой за преданную службу они считали особые привилегии, дарованные немецким баронам в прибалтийском

стерства внутренних дел П. П. Никифорова. Однако давление президента Медико-хирургической академии, лейб-хирурга Я. В. Виллие «заставило многих военных врачей, уже давших согласие на вступление в общество, взять свои заявления обратно» (Будко, Быков, Селиванов, 2006: 480).

крае, и особое положение остзейцев при дворе, в правительстве и сфере управления.

Объясняя мотивы этой «партии», Проскурин пишет:

На Россию немецкая партия смотрела примерно так же, как европейские немецкие дворы смотрели на подчиненное им славянское население, — как на опасную и враждебную «варварскую» стихию, движение которой надо постоянно сдерживать самыми жестокими мерами. Отсюда — повышенная подозрительность по отношению ко всяким проявлениям русского национализма, какую бы социальную и политическую окраску он не принимал (Проскурин, 2000: 318).

Поэтому и Уварову, выдвинувшему лозунг «Православие. Самодержавие. Народность», неминуемо пришлось вступить в противоречия с «немецкой партией»⁷. Пусть и неясная, борьба с «народностью» шла в сфере образования, в литературе и журналистике.

«Немецкая партия» упорно сопротивлялась развитию самобытной национальной культуры. Помимо культурного и идеологического аспектов, этот конфликт имел и политическую составляющую. Развитие национального сознания грозило «русским иностранцам» (таким, как гр. П. А. Клейнмихель или гр. К. В. Нессельроде) не только потерей ключевых позиций во главе ряда министерств и ведомств, но и ударом по заметной части бюрократического слоя и по безраздельной власти немецких баронов в Прибалтийских губерниях.

С. М. Сергеев считает, что «литературный процесс в императорской России (за исключением административных мер сверху) не стал полем для русско-немецких „разборок“» (Сергеев, 2010: 63). Напротив, Проскурин, а вслед за ним Березкина указали на жесткую, упорную борьбу, которую «немецкая партия» вела на страницах русских литературных журналов 1830-х гг. (Проскурин, 2000: 315–329; Березкина, 2009). Также описана борьба в русской журналистике 1830–1840-х гг. двух лагерей, за которыми стояли фигуры Уварова и Бенкендорфа (Бадалян, 2018b). В этом же ракурсе мы полагаем взглянуть на события рубежа 1820–1830-х, которые, как мы увидим, послужили прелюдией к этой борьбе.

⁷Н. И. Казаковым и рядом других исследователей убедительно показано: известная уваровская триада не только не была публично представлена ее создателем, министром народного просвещения Уваровым, как целостная развернутая концепция (Пышин, в 1872 г. назвав ее «теорией официальной народности», не процитировал ни одного ее тезиса), но и стала предметом скрытой борьбы между государственными ведомствами (Казаков, 1989). Обзор литературы по этой проблеме см. Шевченко, 2014. См. также Бадалян, 2018a.

II

Когда в середине 1824 г. Полевой обратился к министру народного просвещения А. С. Шишкову с прошением об издании журнала «Московский телеграф», он в первом же абзаце программы задуманного им издания вставил цитату о просвещении и связи его с «полезными знаниями и науками» из выступления Шишкова в «Беседе любителей русского слова». Далее же будущий издатель заявил целью журнала «упражнения умственные», утверждающие «веру в Бога, любовь к отечеству, верность к избранному Богом монарху нашему». Все это вместе с «просвещением народным», о котором несколькими строками выше рассуждал Полевой, выглядит сегодня как черновой эскиз будущей знаменитой триады «Православие. Самодержавие. Народность» (Сухомлинов, 1889: 372), а в описании задуманного журнала будущий издатель не скупился на упоминания России и русских в разных сочетаниях: «сердцу русскому», «русских памятников», «ученых обществ русских» и т. д. (там же: 372, 374, 376).

Идея «Московского телеграфа» была поддержана перед Шишковым гр. Н. С. Мордвиновым, уверявшим его, что Полевой — выходец из народа, коренной русский человек (там же: 381).

Спустя полтора года после начала выхода журнала, в июле 1827 года, Полевой обратился в цензуру с прошением об издании, помимо «Московского телеграфа», политической и литературной газеты «Компас» и ученого журнала «Энциклопедическая летопись отечественной и иностранной литературы». Шишков дал согласие на новые издания, не позволив лишь помещать в них суждения о театральных постановках и игре актеров⁸. Однако вскоре под давлением Бенкендорфа министр должен был отменить уже принятое решение (там же: 386). Начальник III отделения выступил противником новых изданий, вероятно, в значительной мере под влиянием нескольких записок, поступивших к нему в августе 1827 г. (Видок Фиглярин..., 1998: 192–196). И, хотя до нас дошли лишь их копии, выполненные рукой управляющего III отделением М. Я. фон Фока, подлинным их автором исследователи считают Булгарина (Вацуру, Гиллельсон, 1986: 142; Видок Фиглярин..., 1998: 196).

⁸Запрет на это существовал с 1815 г. В 1826 г. Шишков, обратившись к Николаю I, пытался добиться его отмены, но неудачно. Однако в январе 1828 г. император сделал исключение для газеты Булгарина, попросившего о том через III отделение. Запрет на публикацию театральных рецензий потерял силу в апреле 1828 г. с вступлением в действие нового цензурного устава (Рейтблат, 2008: 66–68).

Действительно, автор записок использовал традиционные для Булгарина приемы: в борьбе со своими конкурентами он, как правило, обвинял их в политической неблагонадежности и «якобинизме», а если для того был хоть малейший повод — в приверженности «русским патриотам». Так было и в этом случае. В датированной 21 августа записке указывалось на «самый явный карбонаризм» «Московского телеграфа», в записке от 23 августа утверждалось: «*Полевого* покровительствуют все так называемые патриоты и даже Мордвинов»⁹, а в более поздней записке, со ссылкой на жену Шишкова, сообщалось, что «Н. С. Мордвинов сильно нападал на ее мужа, зачем он не *отстоял* Полевого, ибо он купец и патриот, а *нам* надо поддерживать русские дарования» (Видок Фиглярин..., 1998: 194, 196).

Для Полевого произошедшее стало важным уроком: он увидел, что над сферой печатного слова и журналистики властвует сила, с которой не может не считаться даже министр народного просвещения.

1829 г. во многом стал переломным для «Московского телеграфа». Именно в этот год от участия в нем окончательно отказался кн. П. А. Вяземский и его друзья, т. е. Полевой, пережив к этому времени заметную эволюцию, полностью избавился от их влияния (что продемонстрировала его критика «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина в 12-м номере «Московского телеграфа» за 1829 г.). Сформировавшиеся у него новые взгляды спустя десятилетие назовут западническими. И хотя Вяземского также нельзя считать славянофилом, но «западничество» Полевого вскоре проявило особые радикальные свойства. И главное — издатель «Московского телеграфа» выбрал себе более могущественного и идейно близкого покровителя, чем не столько был, сколько мог бы для него стать вышедший в 1828 г. в отставку Шишков¹⁰.

⁹В подготовленном фон Фоком «Кратком обзоре общественного мнения в 1827 году» главой «русской партии» был представлен именно председатель департамента Государственного совета Мордвинов: «Партия *русских патриотов* очень сильна числом своих приверженцев. Центр их находится в Москве. [...] Там они критикуют все шаги правительства, выбор всех лиц, там раздается ропот на немцев, там с пафосом принимаются предложения Мордвинова, его речи и слова их кумира — Ермолова. Это самая опасная часть общества, за которой надлежит иметь постоянное и, возможно, более тщательное наблюдение. [...] Партия Мордвинова опасна тем, что ее пароль — *спасение России*» («Россия под надзором», 2006: 19–20).

¹⁰К этому времени Полевой ясно понимал, что на поддержку нового министра народного просвещения светл. кн. К. А. Ливена рассчитывать ему не стоит. Так, после помешения в 10-м номере «Московского телеграфа» первой лекции из «Курса истории философии», почитаемого Полевым В. Кузена, 17 июля 1829 г. министр поставил на вид

В сентябре 1829 г. Николай I приказал начальнику II (Московского) жандармского округа генерал-лейтенанту А. А. Волкову сделать цензору «Московского телеграфа» С. Н. Глинке строгий выговор за «Приказные анекдоты» в 14-м номере журнала, которые рассказывали о нечистом на руку чиновнике, сумевшем обмануть нового начальника-губернатора. Вместе с тем, Волков должен был объявить издателю журнала и цензору, что «при первом случае, когда появится вновь такого рода статья, то поступлено будет с ними по закону» (Дубровин, 1903: 263). Вслед за этим, 26 сентября Полевой обратился к Волкову с просьбой: «...прежде обыкновенной цензуры подвергать статьи сего рода, кроме мелочных и ничтожных по содержанию своему статей, цензуре особенной, доставляя их для рассмотрения к вашему превосходительству» (там же: 264). Однако генерал не мог самостоятельно принять решение на этот счет и обратился к Бенкендорфу. Тот 14 октября ответил Волкову: император распорядился, чтобы «критические статьи, помещаемые в „Московском телеграфе“, прежде представления их в цензуре, были представляемы на рассмотрение генерала Волкова» (там же: 266). Лемке, поясняя, что пройденная у Волкова цензура служила страховкой от последующей придирчивости обычных цензоров из Московского цензурного комитета, добавлял: «У Полевого с Волковым были очень хорошие личные отношения» (Лемке, 2014: 49). Такие личные отношения быстро переросли в хорошие отношения с III отделением.

Впрочем, вероятнее всего, первые неформальные контакты издателя «Телеграфа» с III отделением осуществились еще ранее. Предположить это позволяет такой факт: 28 февраля 1831 г. начальник I отделения V округа корпуса жандармов подполковник Новокщенов обратился из Казани к Бенкендорфу с довольно сумбурным донесением, в котором избобличал проявления вольнодумства, в том числе, «буйство издателя „Московского телеграфа“ и его сподвижников». Бенкендорф не придавал этому сообщению никакого значения, а лишь одернул подполковника, 16 марта заявив в ответ: «Вы теряете время на рассуждения, которые вовсе до Вас не касаются». В. Э. Вацуру и М. И. Гиллельсон единственную причину такой реакции шефа жандармов увидели в том, что его подчиненный нарушил субординацию (Вацуру, Гиллельсон, 1986: 149). Получается, только поэтому Бенкендорф закрыл глаза на резкие заявления «Московского телеграфа»? Вероятнее, что к этому времени уже

Московскому цензурному комитету эту публикацию как содержащую «вредное учение о вере и философии» (Из цензурной старины (1829–1851), 1903: 301–302).

начали складываться неофициальные отношения издателя журнала с III отделением, и его начальник покрывал Полевого, как нового (или будущего?) своего подопечного.

Добавим, что Бенкендорф не мог не заметить у автора донесения антипатию к немецкому влиянию, а причиной тому посчитал воздействие противников «немецкой партии». Ведь среди других предпосылок вольнодумства подполковник Новокшенов клеймил «пристрастие к германизму», «иступление философизма из северной Германии к нам отражающегося», а из трех, названных им конкретных примеров бунтовщиков, двое — Кюхельбекер и Пестель — были немецкого происхождения. Потому Бенкендорф и решил, что подполковник связался с «людьми, разделяющими дух Магницкого», т. е., по его представлению, предшественниками тех самых «патриотов», против которых III отделение настойчиво предостерегало императора.

Характерно, что с 1829 г. в ведомство Бенкендорфа не поступало на Полевого доносов, подобных тем, что разрушили его планы в 1827 г., и более того, издатель «Телеграфа» постепенно наладил союзнические, если не дружеские, отношения с прежним своим противником Булгариным¹¹. Вскоре же, с 1830 г., Полевой начинает последовательную борьбу «с дворянством, не только как сословием, но и как носителем культуры» (Березина, 1954: 92).

С рубежа 1820–1830-х гг. читатели журналов стали замечать привилегированное положение издателя «Московского телеграфа». Они удивлялись, а подчас и возмущались этим. К примеру, С. А. Хомяков, отец поэта А. С. Хомякова, в письме к М. П. Погодину 12 марта 1831 г., ссылаясь на известие от сына, рассказывал, что на Полевого «очень много вооружаются в Петербурге, и его там называют московским О'Коннелем»¹². Вслед за этим С. А. Хомяков добавлял: «...и поистине он слишком либерально завирается; и не знаю как ему сходит с рук,

¹¹Новое обострение отношений с ним и возобновление полемики «Телеграфа» с «Северной пчелой» возникли в 1831 г. В. Г. Березина объясняла это тем, что с прекращением в июне 1831 года издания «Литературной газеты» — главного противника «Телеграфа» — у Полевого отпала необходимость в «тактическом соглашении» с Булгариным (Березина, 1988: 165). Однако сближение Полевого и Булгарина началось до появления «Литературной газеты», а новые споры между ними возникли до ее закрытия (Орлов, 1934: 442–444).

¹²Даниел О'Коннелл (Daniel O'Connell, Dónall Ó Conaill, 1775–1845) — политический деятель, борец за права ирландцев-католиков, был избран в английский парламент в 1828 г., но отказался приносить присягу королю как главе Англиканской церкви; в 1829 г. вновь избран в парламент, где возглавил ирландскую фракцию.

такая статья, как „Летопись современной истории об Италии“¹³, и сему подобные»¹⁴ (Хомяков, 1831. Л. 30б.). Спустя год С. А. Хомяков уже понимал, почему «сходят с рук» подобные статьи. В письме к тому же Погодину 13 марта 1832 г., рассуждая о цензуре и неуместных в печати «либеральных выражениях», он отметил: «...которые предоставить надобно застрахованному „Телеграфу“» (Хомяков, 1832. Л. 10б.). Иными словами, в обществе уже зрело убеждение, которое, спустя два года, Пушкин выразил следующим образом: «...мудрено с большей наглостью проповедовать якобинизм перед носом правительства, но Полевой был баловень полиции. Он умел уверить ее, что его либерализм пустая только маска» (Пушкин, 1937: 324).

Примечательно то, что недовольство деятельностью «застрахованного „Телеграфа“» проявил и председатель Московского цензурного комитета кн. С. М. Голицын, испытывавший раздражение от действий III отделения¹⁵ уже в то время, т. е. до более явного противостояния с «немецкой партией», возникшего во второй половине 1830-х гг. при Уварове. Осенью 1830 г. Полевой подал через Московский цензурный комитет прошение о новых изданиях, предполагаемых им в 1832 г. (он рассчитывал преобразовать «Московский телеграф» в выходящий четыре раза в год сборник и еженедельно выпускать к нему «Прибавление», а два раза в неделю печатать «Journal des modes» на французском языке). Однако Голицын, представляя бумаги Полевого в Главное управление цензуры, добавил от себя, что тот «не пользуется совершенною доверенностью правительства» и высказался за то, чтобы «„Московский телеграф“, на предбудущее время, ограничивался одною только литературою». После этого, император 7 ноября наложил на прошение резолюцию «Не дозволять, ибо и ныне ничуть не благонадежнее прежнего» (Стасов, 1903а: 312; Сухомлинов, 1889: 398).

¹³Речь идет о подписанной «(С франц. Н. П.)» статье Полевого «Нынешняя Италия» в отделе «Летопись современной истории» (Н. А. Полевой, 1830а, б, с).

¹⁴Слова С. А. Хомякова Н. П. Барсуков привел в своей книге так, словно Хомяков-старший писал это не о Полевом, а о своем сыне (Барсуков, 1890: 369). К сожалению, некорректное цитирование послужило причиной неверной атрибуции нами статьи А. С. Хомякову (Бадалян, 2002: 340–345). После знакомства с автографом письма, стало ясно, что автором статьи является Полевой.

¹⁵Об этом говорит его представление от 20 февраля 1832 г. В нем, в ответ на внушение о строгом контроле за местными журналами, переданное ему Бенкендорфом через министра Ливена, Голицын не без едкости предложил устроить так, чтобы периодические издания «являлись в свет под надзором и бдительностию полиции жандармов» (Стасов, 1903а: 313).

Очевидно, когда в феврале 1832 г. Бенкендорф, в приведенном чрезвычайно вежливом письме, советовал издателю «Телеграфа» не печатать статей с апологией революции, Полевой уже был для него свой человек, входящий в его клиентелу. Однако, чтобы подстраховаться от возможных упреков в попустительстве опасному «вольнодумству», Бенкендорф еще за день до своего письма к Полевому подготовил отношение к министру народного просвещения¹⁶, в котором, ссылаясь на расположение издателей московских журналов к «идеям самого вредного либерализма», особенно отметил Н. И. Надеждина и Полевого (но не назвал ни одной конкретной их публикации, нарушающей закон), и — подчеркнем — предложил не издателей наказывать, а дать указание московской цензуре «о внимательном и неослабном наблюдении ее за выходящими в Москве журналами»¹⁷ (По отношению генерал-адъютанта Бенкендорфа о журналах «Телескоп» и «Телеграф», 1832. Л. 1).

4 мая 1832 г. только что ставший товарищем министра народного просвещения С. С. Уваров на заседании Главного управления цензуры заговорил о необходимости внимательного надзора за прессой и особо — за «Московским телеграфом». Уваров предложил на одном из следующих заседаний рассмотреть «извлечения», подготовленные им из статей этого журнала. Однако министр Ливен такого заседания не назначил, а «ограничился только тем, что пригласил и других членов Главного управления доставить с своей стороны замечания на „Московский телеграф“» (Стасов, 1903а: 311). Иначе говоря, Ливен спустил это дело на тормозах.

После этого, летом 1832 г., Уваров, побывав в Москве, сделал внушение местным цензорам и поставил им на вид статьи «Телескопа» и «Московского телеграфа», а затем встретился с их издателями, о чем он позднее доложил императору, добавив: «Полевой скорее других

¹⁶В публикациях это отношение датируют 9 февраля 1832 г. (Стасов, 1903а: 312; Дубровин, 1903: 267–268). Однако в сохранившемся отпуске оно имеет дату 7 февраля, а 9 февраля — это поставленная позднее исходящая дата.

¹⁷Характерно, что в уже упомянутом представлении Голицына от 20 февраля, содержалась просьба к Ливену и Бенкендорфу указать на неблагонамеренные статьи «для назидания и руководства цензорам на будущее время», но, как можно предположить из материалов дела, ответа он не получил (Стасов, 1903а: 313; По отношению генерал-адъютанта Бенкендорфа о журналах «Телескоп» и «Телеграф», 1832. Л. 30б.–4). Отметим также прием, не раз используемый III отделением: когда оно было вынуждено одернуть «своего» издателя, в официальном документе в один ряд с ним ставился его конкурент, а в одновременно отосланном неофициальном послании (или в личном общении) «своему» делалось вежливое увещание.

повиновался моему наставлению» и указав на произошедшие в его журнале перемены как следствие их встречи (Барсуков, 1891: 99). Товарищ министра не знал, что вскоре и III отделение будет отчитываться о работе, проделанной его московским сотрудником Н. А. Кашинцовым. Результатом ее стало «прекращение неуместных статей» в «Московском телеграфе» и «Телескопе», а также «обращение к благонамеренности замечат[ельного] таланта Полевого» (добавим: тот же Кашинцов позднее изобличал неблагонадежность Надеждина, М. П. Погодина, С. П. Шевырева и других близких к Уварову журналистов) (Бобрик, 1992: 520).

Вероятно, при встрече с издателями, Уваров не только был озабочен профилактикой потенциальных нарушений в московской периодической печати, но и пытался наладить неофициальные отношения с прессой, способной в будущем обеспечить поддержку ему и его начинаниям. И, вполне возможно, Полевой обнадежил его в этом. Однако, как показали последовавшие события, настоящим сторонником Уварова стал Надеждин, а Полевой предпочел сохранить верность своему прежнему и более могущественному патрону — Бенкендорфу.

В марте 1833 г. Уваров стал министром и после этого усилил цензурный надзор за детищем строптивного московского издателя. В конце этого года брат издателя К. А. Полевой жаловался в письме В. И. Карлгофу:

Особенно с тех пор, как Министр просвещения — С. С. Уваров, цензоры с ума сошли. [...] таскают каждую книжку недели по три, по месяцу, потому что каждую строчку обсуживают полным присутствием цензуры, и проч. [...] (Из писем братьев Полевых к В. И. Карлгофу, 1912: 421–422).

Еще прежде этого Уваров попытался добиться закрытия «Московского телеграфа». 24 сентября 1833 г. он представил императору доклад об опубликованной в журнале Полевого статье «Жизнь Наполеона Бонапарте, императора французов. Соч. В. Скотта / Пер. с англ. С. де Шаплет». В этой статье (анонимным автором которой являлся К. А. Полевой) Уваров отметил «самые неосновательные и для чести русских и нашего правительства оскорбительные толки и злонамеренные иронические намеки» (Стасов, 1903b: 577; Сухомлинов, 1889: 402). Рассматривая подробности публикации, министр, в частности, подчеркивал, что Вальтер Скотт «представляет нас истинными варварами, беспрестанно честит именем скифов» и «не сказал почти ничего о состоянии духа народного в России 1812 года» (там же: 398–399). Министр на основании изложенного в докладе предлагал запретить журнал, однако Николай I наложил резолюцию: «Я нахожу статью сию более глупую

своими противоречиями, чем неблагонамеренною. Виновен цензор, что пропустил, автор же — в том, что писал без настоящего смысла, вероятно, себя не разумея». В итоге журнал продолжил издание, а пострадал уже отставленный от должности цензор — подчиненный Уварова — которому Николай I распорядился «строжайше заметить» (Сухомлинов, 1889: 403).

Спустя полгода министр предпринял новую попытку прекратить издание журнала. Для этого он распорядился подобрать выписки из предосудительных публикаций «Московского телеграфа» за предыдущие пять лет, а также из «Истории русского народа» Полевого. Конкретным же поводом для того, чтобы снова поднять вопрос о журнале, стала публикация рецензии Полевого, высмеивавшей патриотическую драму Н. В. Кукольника «Рука Всевышнего Отечество спасла». Подготовив ее к печати, автор в феврале 1834 г. отправился в Петербург. Там, при встрече, Бенкендорф дружески предостерег его от критики драмы, отмеченной вниманием императора. Полевой написал в Москву брату, чтобы тот исключил из отпечатанного номера страницы с рецензией, но опоздал (К. А. Полевой, 1934: 319; Орлов, 1934: 479; Березина, 1983: 134).

21 марта Уваров представил императору доклад, утверждавший:

Революционное направление мыслей, которое справедливо можно назвать нравственною заразою, очевидно обнаруживается в сем журнале, которого тысячи экземпляров расходятся по России, и по неслыханной дерзости, с какой пишутся статьи в оном помещаемые, читаются с жадным любопытством (Орлов, 1934: 481).

В подтверждение этому министр представил выписки из журнала. В тот же день Бенкендорф должен был распорядиться доставить Полевого в сопровождении жандармского унтер-офицера из Москвы в столицу (Дубровин, 1903: 268; Орлов, 1934: 481). По прибытии он был отправлен не в Петропавловскую крепость (как в 1848 г. Ю. Ф. Самарин после распространения в рукописи «Писем из Риги», рассказывавших о злоупотреблениях остзейских баронов), а на квартиру Л. В. Дубельта, встретившего его «с изъявлением самого дружеского расположения» и предоставившего Полевому не только комнату, но и возможность пользоваться его библиотекой (К. А. Полевой, 1934: 321). Оттуда он дважды отправлялся пешком, без провожатых, в дом к приветливо встретившему его Бенкендорфу. Там в течение двух вечеров в домашней обстановке проходили встречи с хозяином дома и министром Уваровым. Последний стремился вести дело с Полевым так, как при допросе, но начальник

III отделения всячески старался разрядить обстановку. Позднее К. А. Полевой рассказывал:

...брат мой ясно увидел, что обвинителем его был Уваров, а граф Бенкендорф старался придать всему форму обыкновенного разговора, и предупредительностью своею останавливал резкие выходки и обвинения министра народного просвещения. Ясно было также, что «Рука всевышнего» служила поводом к каким-то другим обвинениям (К. А. Полевой, 1934: 323).

Причем, К. А. Полевой в своих «Записках» неоднократно повторял это на разные лады (там же: 324–327, 330).

Дело о журнале доложили императору, и уже после того, как Полевой был отпущен домой, в Москву, 3 апреля Николай I вынес окончательное решение о прекращении издания «Московского телеграфа». В тот же самый день Бенкендорф запросил начальника II жандармского округа генерал-майора С. И. Лесовского о суждениях в Москве насчет Полевого. Генерал в ответ докладывал 13 апреля 1834 г. именно так, как ожидал его начальник:

...заключают, что запрещение издавать «Телеграф» обнаруживает слабость правительства и огорчает публику, и что лучше бы не запрещать оный, но заставить сочинителя писать в духе правительства. Причем вняты не сочинителя, а поверяющую его цензуру (Дубровин, 1903: 269–270).

Однако и после этого начальник III отделения не лишил своей опеки Полевого. В августе 1836 г. Бенкендорф передал Николаю I его статью «Памятник Петра Великого», напечатанную в «Живописном обозрении», за которую монарх распорядился передать автору свое благоволение и готовность поддерживать его «во всех полезных трудах» (К. А. Полевой, 1934: 335). Вслед за тем, Полевому было поручено подготовить для «Московских ведомостей» (1836. № 67) публикацию о посещении Николаем I Москвы (Орлов, 1934: 487). К. А. Полевой подчеркивал: «Во всех последующих *сношениях своих* с Николаем Алексеевичем граф Бенкендорф действовал с неизменным доброжелательством к нему» (К. А. Полевой, 1934: 336). К примеру, в ноябре 1838 г. после того, как Николай I посетил спектакль по пьесе Полевого «Дедушка русского флота», он именно через Бенкендорфа передал автору бриллиантовый перстень и слова о том, что никогда не сомневался в его «необыкновенных дарованиях» (Орлов, 1934: 503).

III

История издания «Литературной газеты», а, соответственно, и ее цензурная история, оказалась куда короче, чем у журнала Полевого.

Из ряда обычных цензурных перипетий приведем только один эпизод, имеющий отношение к «Московскому телеграфу». В феврале 1830 г. в цензуре была задержана и в конечном итоге не допущена к печати вторая часть анонимной статьи Вяземского «О московских журналах». Именно эта часть содержала язвительные выпады против Полевого и его издания. После ее рассмотрения в Санкт-Петербургском цензурном комитете 18 февраля текст направили в Главное управление цензуры. И, хотя статью рассмотрели там уже на следующий день, 26 февраля, окончательное решение по ней министр Ливен сообщил председателю цензурного комитета только 5 марта. Министр заявил, что «некоторые места» статьи «надлежит исключить из оной», но «по неудобству произвести таковое исключение», Главное управление признало за лучшее «не давать дозволения на напечатание» (Замков, 1916: 253–254). Как пояснял Н. К. Замков, в запрещенной статье «карандаш цензора отметил прежде всего почти все места, заключающие в себе выпады против Полевого, как историка». Также «отметил цензор и характеристики „Московского телеграфа“ и его издателя» (там же: 254, 256).

В этой истории вызывает удивление слишком большой период времени, понадобившийся для объявления, казалось бы, уже принятого решения. Возможно, оно потребовалось на согласование решения с более влиятельным ведомством, каким являлось III отделение.

Помимо частых объяснений с обычной цензурой, издателю газеты как минимум дважды приходилось встречаться с начальником тайной полиции. Впервые это произошло в августе 1830 г.

9 августа в 45-м номере «Литературной газеты» увидела свет анонимная заметка «Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии». Принадлежащая перу А. С. Пушкина, она являлась реакцией на болгаринское «Второе письмо из Карлова на Каменный остров» (Северная пчела, 1830). Однако Полевой посчитал ее адресованной именно ему и подготовил на выступление «Литературной газеты» резкий ответ (Московский телеграф, 1830: 240–244).

22 августа в дело вмешался Бенкендорф. Указав в отношении к министру Ливену на «неприличность» заметки «Литературной газеты», он стал выяснять, на каком основании она была пропущена в печать, и кто ее автор?

Цензор Н. П. Щеглов, объясняя 23 августа свое разрешение на публикацию заметки, вместо того, чтобы назвать ее по заглавию, обозначил таким образом:

«...написанная в ответ на иронические выходки „Московского телеграфа“ против так называемой литературной аристократии». Замков посчитал, что цензор сделал это «конечно, сознательно», ведь «в таком случае на заметку, вероятно, посмотрели бы иначе» (Замков, 1918: 57).

То есть спор с изданием Булгарина должен был выглядеть в глазах III отделения куда более серьезным проступком, чем с журналом Полевого.

Специально или нет, Щеглов заговорил здесь о «Московском телеграфе», но он не сомневался в необходимости возражений этому журналу. В свое оправдание он, в частности, указывал:

...высказывающееся в некоторых статьях «Московского телеграфа» стремление выставить с дурной стороны российское дворянство, чрез осмеивание одного почти в каждой книжке разными критическими пьесами, и насмешки над дворянским состоянием некоторых наших писателей — я находил противными духу нашего правительства и считал их вредными для государственного устройства России, следовательно, заслуживающими сильное опровержение (там же: 58).

Конечно, связь Булгарина с ведомством Бенкендорфа для многих тогда не была секретом, а о контактах Полевого с III отделением (пусть и не таких прочных, как у издателя «Северной пчелы») в то время еще не знали. Однако сейчас можно сказать, что принятая Щегловым версия оказалась почти столь же не безопасна, как публичная критика Булгарина. Тем более, что в самой статье Пушкин упоминал и того, и другого, и вкуче с ними Н. И. Греча.

Днем позже Щеглов предоставил свои объяснения, и Дельви́г заявил, что заметка была прислана ему по почте, и он не знает ее автора.

В конце августа Бенкендорф вызывал к себе редактора «Литературной газеты», чтобы сделать ему строгий выговор за заметку. При этом начальник III отделения упорно хотел узнать, откуда то знает процитированную в заметке песню революционной черни «Les aristocrates à la lanterne» («Аристократов к фонарю»). Подробности этой встречи дошли до нас в пересказе А. И. Кошелева, который писал со слов Дельви́га:

Призывает его начальник III отделения собственной его величества канцелярии гр. Бенкендорф и сильно, даже грубо выговаривает ему за помещение

в газете одной либеральной статьи: бар. Дельвиг с свойственной ему невозмутимостью спокойно замечает ему, что *на основании закона* издатель не отвечает, когда статья пропущена цензурой, и упреки его сиятельства должны быть обращены не к нему, издателю, а к цензору. Тогда начальник 3-го отделения приходит в ярость и говорит Дельвигу: «Законы пишутся для подчиненных, а не для начальства, и вы не имеете права, в объяснениях со мною, на них ссылаться и ими оправдываться» (Кошелев, 2002: 27).

30 октября Бенкендорф направил министру Ливену запрос об уже упомянутом четверостишии Деловиня (Замков, 1916: 260).

В последнем ноябрьском скандале министр стремился приуменьшить вину своего подчиненного — цензора, проявившего, по его словам, «необдуманную поспешность» (там же: 268), а вот издатель газеты никакой защиты у него найти не мог. После того, как объяснения Дельвига по поводу публикации стихов Деловиня были переданы Бенкендорфу, тот вызвал его к себе. И, после описанной нами в самом начале сцены, 8 ноября начальник III отделения обратился к министру. В своем отношении он заявил, что объяснение Дельвига признает «не только недостаточным, но даже непростительным», и спрашивал мнения министра, чтобы «согласно с оным» донести о деле с газетой императору (там же: 266).

Ливен, как видно, понимал, к чему стремится Бенкендорф, и не стал ему мешать. Согласившись с его доводами, министр первым заключил: «...за нарушение вышеозначенного правила надлежит воспретить г. издателю продолжать издание „Литературной газеты“» (там же: 268).

Уже в период издания «Литературной газеты» Сомовым, цензор Щеглов несколько раз, не решаясь пропустить публикации, подготовленные для нее, выносил их на рассмотрение Санкт-Петербургского цензурного комитета. Так он поступил и со статьей Тихонова «Замечания на статью, помещенную в „Московском телеграфе“ сего года в январе месяце, под названием „Обозрение XVIII века“». В заседании комитета 24 марта 1831 г. она была признана «благонамеренною и позволительною для напечатания», но председатель комитета предпочел перестраховаться и запросил мнения о ней Главного управления цензуры. Там статью рассмотрели и 6 апреля запретили печатать, «потому что в оной рассуждается о предметах высоких с такою неясностью, что она может быть поводом к превратным толкованиям» (там же: 278–279), или, как сказано в архивном деле, «...из опасения истолкования ее в невыгодном для правительства смысле» (О запрещении для «Литературной газеты»..., 1831).

То, что «Литературная газета» была задумана для борьбы с «торговым направлением», а также с примыкавшим к нему журналом Полевого, в ту пору понимали многие искушенные читатели. Не являлось это тайной и для руководства цензуры. Однако в глазах Министра народного просвещения и его ближайшего окружения это обстоятельство вскоре стало восприниматься как отягчающее. Вероятно, не только в силу влияния III отделения, но и из-за солидарности с ним Ливена.

О какой именно солидарности идет речь, и что явилось основной виной «Литературной газеты» в глазах III отделения, в свое время объяснил А. И. Дельвиг (ведь, как и в истории с «Московским телеграфом», конкретные публикации, ставившиеся изданию в вину, служили лишь поводом, а не причиной закрытия издания). Двоюродный брат редактора «Литературной газеты», живший во время описанных событий у него в доме, А. И. Дельвиг, позднее, рассказывая о Бенкендорфе в своих воспоминаниях, подчеркивал, что тот:

...как немецкий уроженец наших остзейских губерний, наверное, считал ненужным образовать русский народ, созданный по понятиям немцев для того, чтобы быть управляемым ими. Вдруг оказывается кружок литераторов, в котором говорят преимущественно по-русски, который полагает возможною к достижению целью поставить русских на один уровень с другими европейскими народами, даже с немцами (Дельвиг, 2015: 101).

Такой кружок, продолжал Дельвиг чуть далее:

...не мог, по понятиям Бенкендорфа, не быть вредным до того, что необходимо было искоренить его в самом начале ссылкой, как он выразился, в Сибирь Пушкина, Вяземского и Дельвига; последний в особенности должен был быть неприятен Бенкендорфу, так как ему было известно, что Дельвиг служил звеном, связывавшим весь этот кружок, и тем более, что, будучи немецкого происхождения, не должен был до такой степени обрусеть, чтобы заботиться только о русском обществе и народе, изменив чрез это своей великой национальности (там же: 102).

В чем же обвинял другого издателя его противник Уваров? Помимо обширных выписок из «Московского телеграфа» (где, вместе с туманными, требующими расшифровки намеками, указаны случаи пропаганды революции), этот министр оставил нам и вполне внятное «резюме» своих претензий к Полевому. 9 апреля 1834 г. Никитенко записал услышанный от него монолог об издателе «Московского телеграфа»:

Это проводник революции, — говорил Уваров, — он уже несколько лет систематически распространяет разрушительные правила. Он не любит России.

[...] Впрочем, — продолжал он, — известно, что у нас есть партия, жаждущая революции. Декабристы не истреблены: Полевой хотел быть органом их. [...] С Гречем или Сенковским я поступил бы иначе; они трусы; им стоит погрозить гауптвахтою, и они смирятся. Но Полевой — я знаю его: это фанатик. Он готов претерпеть все за идею. Для него нужны решительные меры (Никитенко, 1955: 141).

За исключением слов о готовности Полевого претерпеть за идею, многое из сказанного Уваровым позже нашло подтверждение. Конечно, издателя «Московского телеграфа» нельзя назвать революционером, но не случайно же его так ценили русские социалисты XIX в. С апологией революции у Полевого тесно переплеталось восхищение «третьим сословием». Проскурин находит в нем отражение интересов «немецкой партии». Ведь превознесение «третьего сословия» вполне согласовывалось с идеей «государственного протекционизма», энергичным проводником которого служил Канкрин, поддерживаемый III отделением и Булгаринным (Проскурин, 2000: 330). Однако это не отменяет и иного подхода. Полевой и многие его современники не могли не помнить: Великая Французская революция устами одного из основателей Якобинского клуба аббата Э.-Ж. Сийеса провозгласила, что именно «третье сословие» является источником власти. В свете этого иначе воспринимается кампания, предпринятая Уваровым против «Московского телеграфа».

На руку «немецкой партии» Полевой действовал и в своих научных статьях. Примером тому краткий, но резкий отзыв о работе основателя отечественного славяноведения Ю. И. Венелина, которую он назвал ученым невежеством и заявил: «...нельзя читать книги г-на Венелина не смеясь, и смеяться не досадуя» (Московский телеграф, 1829: 486). В этом издатель «Московского телеграфа» намного опередил нападки на славянофилов и «поход» против славян, инспирированные «немецкой партией» во второй половине 1840-х гг.

Хотя формально власти не выносили решения о закрытии «Литературной газета», она прекратила выход спустя полгода после смерти Дельвига. Это издание стало первым, судьбу которого решили в стенах III отделения (годом позже еще быстрее оно добилось прекращения журнала «Европеец», редактора которого, И. В. Киреевского, обвинили в том, что выражение «деятельность разума» тот использовал для обозначения революции, а под «искусно отысканной серединой» понимал конституцию). Инкриминирование революционных взглядов стало служить подчиненным Бенкендорфа надежным инструментом

в борьбе с теми, кого «немецкая партия» считала своими противниками. Булгарин же при жизни Уварова ухитрился в чуть завуалированной форме заявить, что деятельность того способствовала распространению революционных воззрений (Булгарин, 2001: 754–755).

Быстрый крах «Литературной газеты» был во многом предопределен тем, что, вступая в борьбу, это издание не приобрело влиятельных покровителей в правительственной или придворной сфере. Да таковые в то время, вероятно, и не нашлись бы. В последующие годы, когда заметно упрочилось положение Уварова, его поддержка обеспечивала хотя бы относительную безопасность, примером чему многолетнее существование журнала «Москвитянин».

Полевой же с первых шагов на издательском поприще искал и находил самых могущественных покровителей. III отделение не преминуло воспользоваться издателем «Московского телеграфа», видя в нем отчасти идейного союзника, отчасти — расчетливого предпринимателя (позднее оно стало также использовать еще более прагматичного А. А. Краевского). Поддерживать с Полевым многолетнее сотрудничество ведомству Бенкендорфа удавалось благодаря использованию обширного инструментария поощрений, причем не только материальных: дороже денег ценилась предоставленная «Московскому телеграфу» возможность писать о том, о чем возбранялось его конкурентам и противником. И позднее, лишившись журнала, Полевой не утратил «высочайшего благоволения», время от времени иницилируемого протекцией Александра Христофоровича.

СОКРАЩЕНИЯ

РГИА Российский государственный исторический архив.
ОР РГБ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

Источники

Рукописные источники

О запрещении для «Литературной газеты» рецензии «Замечания на статью, помещенную в „Московском телеграфе“ сего года в январе месяце, под названием „Обзорение XVIII века, сочинения Тихонова“», из опасения истолкования ее в невыгодном для правительства смысле // РГИА. — 1831. — Ф. 772. — Оп. 1. — Д. 324.

По отношению генерал-адъютанта Бенкендорфа о журналах «Телескоп» и «Телеграф» // РГИА. — 1832. — Ф. 772. — Оп. 1. — Д. 205.

Хомяков С. А. Письма к Погодину М. П. 1831 г. // ОР РГБ. — 1831. — Ф. 231. — Разд. II. — Кор. 49. — Ед. хр. 91.

Хомяков С. А. Письма к Погодину М. П. 1832 г. // ОР РГБ. — 1832. — Ф. 231. — Разд. II. — Кор. 50. — Ед. хр. 77.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Бенкендорф А. Х. Письмо (графа) Александра Христофоровича Бенкендорфа к Николаю Алексеевичу Полевому, редактору «Московского телеграфа», в 1832 году // Русский архив. — 1866. — Т. 12. — С. 1753–1756.
- Булгарин Ф. В. Воспоминания / под ред. М. Д. Ольхина. — М. : Захаров, 2001.
- Видок Фиглярин : письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / под ред. А. И. Рейтблата. — М. : Новое литературное обозрение, 1998.
- Дельвиг А. И. Полвека русской жизни / под ред. Ю. Цурихиной. — М. : Терра, Книжный клуб Книговек, 2015.
- Из писем братьев Полевых к В. И. Карлгофу // Русский архив. — 1912. — № 3. — С. 420–422.
- Из цензурной старины (1829–1851) // Шукинский сборник. В 10 т. Т. 2 / под ред. П. И. Шукина. — М. : А. И. Мамонтов, 1903. — С. 302–360.
- Кошелев А. И. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883) / под ред. Т. Ф. Пирожковой. — М. : Наука, 2002.
- Московский телеграф. — 1829. — № 16.
- Московский телеграф. — 1830. — № 14.
- Муравьев А. Н. Сочинения и письма / под ред. Ю. И. Герасимовой, С. В. Думина ; предисл. О. С. Тальской. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1986.
- Никитенко А. В. Дневник. В 3 т. Т. 1. 1826–1857 / под ред. И. Я. Айзенштока. — М., Л. : Гослитиздат, 1955.
- Полевой К. А. Записки о жизни и сочинениях Николая Алексеевича Полевого // Николай Полевой : Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов / под ред. В. Н. Орлова. — Л. : Издательство писателей в Ленинграде, 1934. — С. 93–351.
- Полевой Н. А. Нынешняя Италия // Московский телеграф. — 1830а. — № 18. — С. 275–305.
- Полевой Н. А. Нынешняя Италия // Московский телеграф. — 1830б. — № 19. — С. 447–464.
- Полевой Н. А. Нынешняя Италия // Московский телеграф. — 1830с. — № 20. — С. 570–575.
- Полевой Н. А. Горе от ума, производящего всеобщий революционный дух // Московский телеграф. — 1831. — Т. XL (40), № 16. — С. 519–521.
- Россия под надзором : отчеты III отделения 1827–1869. Сборник документов / сост. М. В. Сидоровой, Е. И. Щербаковой. — М. : Российский фонд культуры, Российский Архив, 2006.
- Северная пчела. — 1830. — № 94.

ЛИТЕРАТУРА

- Анненков П. В.* Общественные идеалы А. С. Пушкина. Из последних лет жизни поэта // Воспоминания и критические очерки. В 3 т. Т. 3. — СПб. : М. Стасюлевич, 1881. — С. 225–267.
- Бадалян Д. А.* Два неизвестных произведения ранней публицистики А. С. Хомякова // Материалы международной научной конференции «Мир романтизма» (X Гулевских чтений) : Тверь, 12–15 сентября 2002 г. Т. 30 / под ред. И. В. Каргашова. — Тверь : Тверской государственный университет, 2002. — С. 340–348. — (Мир романтизма ; 6).
- Бадалян Д. А.* «Официальная народность» или народность? С. С. Уваров и А. С. Хомяков // Тетради по консерватизму. — 2018а. — № 1. — С. 51–66.
- Бадалян Д. А.* С. С. Уваров и журнальная борьба 1830–1840-х годов // Тетради по консерватизму. — 2018б. — № 1. — С. 203–218.
- Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. В 22 т. Т. 3. — СПб. : М. Стасюлевич, 1890.
- Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. В 22 т. Т. 4. — СПб. : М. Стасюлевич, 1891.
- Березина В. Г.* Н. А. Полевой в «Московском телеграфе» // Ученые записки Ленинградского университета. — 1954. — Т. 173. — С. 86–142.
- Березина В. Г.* Дополнение к статье «Из цензурной истории журнала „Московский телеграф“» // Русская литература. — 1983. — № 4. — С. 133–136.
- Березина В. Г.* К журнальной борьбе начала 1830-х годов (цензурная история второго номера «Московского телеграфа» за 1831 год) // Русская литература. — 1988. — № 4. — С. 164–175.
- Березкина С. В.* «Немцы» против «Европейца» // Москва. — 2009. — № 3. — С. 201–213.
- Бобрин М. А.* Кашинцов, Кашинцев Николай Андреевич // Русские писатели. 1800–1917 : биографический словарь. В 5 т. Т. 2 / под ред. М. Николаева. — М. : Большая Российская энциклопедия, 1992. — С. 520.
- Будко А. А., Быков И. Ю., Селиванов Е. Ф.* История военной медицины России. В 4 т. Т. 3. XIX–начало XX вв. / под ред. Т. Чижая. — СПб. : Военно-медицинская академия, 2006.
- Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И.* «Рука всевышнего Отечество спасла» // Сквозь «умственные плотины» : очерки о книгах и прессе пушкинской поры. — М. : Книга, 1986. — С. 140–164.
- Высочков Л. В.* Николай I. — М. : Молодая гвардия, 2006.
- Дубровин Н. Ф.* Николай Алексеевич Полевой, его сторонники и противники по «Московскому телеграфу» // Русская старина. — 1903. — № 2. — С. 259–270.
- Замков Н. К.* К истории «Литературной газеты» барона А. А. Дельвига // Русская старина. — 1916. — № 5. — С. 245–281.

- Замков Н. К.* К цензурной истории произведений Пушкина // Пушкин и его современники : материалы и исследования. В 39 т. Т. 29/30 / под ред. Б. Л. Модзалевского. — Петроград : Императорская Академия наук, 1918. — С. 49–62.
- Казаков Н. И.* Об одной идеологической формуле николаевской эпохи // Контекст-1989 : Литературно-теоретические исследования / под ред. А. В. Михайлова. — М. : Наука, 1989. — С. 5–41.
- Копелев Д. Н.* На службе Империи : немцы и Российский флот в первой половине XIX века. — СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2010.
- Лемке М. К.* Николаевские жандармы и литература 1826–1855 годов : по подлинным делам Третьего Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. — М. : ЛЕНАНД, 2014.
- Найт Н.* Наука, империя и народность : этнография в Русском Географическом обществе, 1845–1885 // Российская империя в зарубежной историографии : работы последних лет / под ред. П. Верта, П. С. Кабытова, А. И. Миллера. — М. : Новое издательство, 2005. — С. 155–198.
- Орлов В. Н.* Комментарий // Николай Полевой : Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов / под ред. В. Н. Орлова. — Л. : Издательство писателей в Ленинграде, 1934. — С. 355–503.
- Петров Ф. А.* Немецкие профессора в Московском университете. — М. : Христианское издательство, 1997.
- Проскурин О. А.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. — М. : ОГИ, 2000.
- Пушкин А. С.* Дневник 1833–1835 гг. // Полное собрание сочинений. В 17 т. Т. 12. Критика, Автобиография / под ред. В. В. Гиппиуса. — М. : АН СССР, 1937. — С. 314–337. — репр. М.: Воскресенье, 1996.
- Рейтблат А. И.* Цензурование театральных рецензий в николаевскую эпоху // Цензура в России : история и современность / под ред. М. А. Бениной, М. Б. Конашева. — СПб., 2008. — С. 64–80. — вып. 4.
- Сафонов М. М.* Константиновский рубль и «немецкая партия» // Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей : к 60-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / под ред. В. М. Воробьева, А. Ю. Дворниченко. — СПб., 1996. — С. 529–541.
- Сафонов М. М.* Междоуцарствие // Николай I: pro et contra : личность и деятельность Николая I в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология / под ред. Т. В. Андреевой, Л. В. Выскочкова, Д. К. Бурлака. — СПб., 2011. — С. 313–340.
- Сергеев С. М.* «Хозяева» против «наемников» : русско-немецкое противостояние в императорской России // Вопросы национализма: Журнал научной и общественно-политической мысли. — 2010. — № 3. — С. 38–78.
- Скрынников Р. Г.* Пушкин. Тайна гибели. — СПб. : Нева, 2004.
- Сперанская Н. М.* Июльская революция 1830 года в российских газетах // Россия и Франция: XVIII–XX вв. : Лотмановские чтения / под ред. Д. Алек-

сандра. — М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2013. — С. 135–152.

Стасов В. В. Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. — 1903а. — № 2. — С. 305–328.

Стасов В. В. Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. — 1903б. — № 3. — С. 571–591.

Сухомлинов Н. А. Полевой и его журнал «Московский телеграф» // Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. В 2 т. Т. 2 / М. И. Сухомлинов. — СПб. : Издание А. С. Суворина, 1889. — С. 367–431.

Шевченко М. М. «Официальной народности» теория // Большая Российская энциклопедия. В 35 т. Т. 24 / под ред. Ю. С. Осипова. — М. : Большая Российская энциклопедия, 2014. — С. 713–714.

Badalyan, D. A. 2019. “‘Moskovskiy telegraf’, ‘Literaturnaya gazeta’ i III otdeleniye [‘Moscow Telegraph’, ‘Literary Gazette’ and the Third Section]: skrytaya mekhanika pokrovitel'stva i nakazaniya [Covert Mechanism of Patronage and Punishment]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* III (2), 128–157.

DMITRIY BADALYAN

PHD IN HISTORY; SENIOR RESEARCHER

AT THE SECTOR

OF BIBLIOGRAPHY OF THE NATIONAL LIBRARY OF RUSSIA (ST. PETERSBURG)

“MOSCOW TELEGRAPH”, “LITERARY GAZETTE” AND THE THIRD SECTION

COVERT MECHANISM OF PATRONAGE AND PUNISHMENT

Abstract: The article deals with the circumstances of censorship and closure of two arguing periodicals, A. A. Delvig's *Literary Gazette* and N. A. Polevoy's magazine *Moscow Telegraph* in a new light. The practice of patronage and punishment carried out in respect of these periodicals by the Third Section and their censorship history are presented in general as a prelude to the struggle of the “German” and “Russian parties”, which spread over the government circles in the 1830s. The covert competition between the Third Section, which advocated the interests of the “German party”, and the Ministry of National Education headed by S. S. Uvarov who put forward the slogan “Orthodoxy. Autocracy. Nationality”, is an example of this struggle. The Third Section and Uvarov's Ministry used in their interests periodicals and censorship bodies of both of them. Their rivalry is mostly explicit in the struggle unfolded between magazines and newspapers in the second half of the 1830s and in the 1840s. By the late 1920s and the early 1930s, the narrative of “Orthodoxy. Autocracy. Nationality” had not been yet formulated and Uvarov could not consolidate any periodicals, while the press supported by the “German party” was already active. The chief of the Third Department Benckendorff worked for its interest, managed to deprive Delvig of the rights to edit *Literary Gazette*, and brought to his side Polevoy (who previously counted on A. S. Shishkov's support). Benck-

endorff patronised *Moscow Telegraph*, supporting its anti-nobiliary and pro-western policy, and indulging its veiled propaganda of revolution. However, Uvarov managed to have the magazine closed in 1834.

Keywords: *Literary Gazette*, magazine *Moscow Telegraph*, A. A. Delvig, N. A. Polevoy, Third Section, A. H. Benckendorff, Censorship, “German Party”.

DOI: 10.17323/XXXX-XXXX-2019-III-2-XX-XX.

REFERENCES

- Annenkov, P. V. “Obshchestvennyye idealy A. S. Pushkina. Iz poslednikh let zhizni poeta [Social Ideals of A. S. Pushkin. From the Last Years of the Poet's Life]” [in Russian]. In vol. 3 of *Vospominaniya i kriticheskiye ocherki [Memories and Critical Essays]*, 225–267. 3 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: M. Stasyulevich.
- Badalyan, D. A. 2002. “Dva neizvestnykh proizvedeniya ranney publitsistiki A. S. Khomyakova [Two Unknown Works of Early Journalism by A. S. Khomyakov]” [in Russian]. In *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii “Mir romantizma” (KH Gulyayevskikh chteniy) [Proceedings of the International Academic Conference “World of Romanticism” (x Gulyaev Readings)] : Tver’, 12–15 sentyabrya 2002 g. [Tver, September 12–15, 2002]*, ed. by I. V. Kartashova, 30:340–348. Mir romantizma 6. Tver’: Tverskoy gosudarstvennyy universitet.
- . 2018a. ““Ofitsial’naya narodnost’” ili narodnost’? S. S. Uvarov i A. S. Khomyakov [‘Official Nationality’ or Nationality? S. S. Uvarov and A. S. Khomyakov]” [in Russian]. *Tetradi po konservatizmu*, no. 1: 51–66.
- . 2018b. “S. S. Uvarov i zhurnal’naya bor’ba 1830–1840-kh godov [S. S. Uvarov and Media Struggle in 1830–1840]” [in Russian]. *Tetradi po konservatizmu*, no. 1: 203–218.
- Barsukov, N. P. 1890. [in Russian]. Vol. 3 of *Zhizn’ i trudy M. P. Pogodina [The Life and Works of M. P. Pogodin]*. 22 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: M. Stasyulevich.
- . 1891. [in Russian]. Vol. 4 of *Zhizn’ i trudy M. P. Pogodina [The Life and Works of M. P. Pogodin]*. 22 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: M. Stasyulevich.
- Benkendorf, A. Kh. 1866. “Pis’mo (grafa) Aleksandra Khristoforovicha Benkendorfa k Nikolayu Alekseyevichu Polevomu, redaktoru ‘Moskovskogo telegrafa’, v 1832 godu [A Letter of Alexander Khristoforovich Benkendorf (Count) to Nikolay Alexeevich Polebov, Editor of the ‘Moscow Telegraph’]” [in Russian]. *Russkiy arkhiv* 12:1753–1756.
- Berezina, V. G. 1954. “N. A. Polevoy v ‘Moskovskom telegrafe’ [N. A. Polevoy in the ‘Moscow Telegraph’]” [in Russian]. *Uchenyye zapiski Leningradskogo universiteta* 173:86–142.
- . 1983. “Dopolneniye k stat’ye ‘Iz tsenzurnoy istorii zhurnala “Moskovskiy telegraf”’ [Addition to the Article ‘From the Censorship History of the Magazine “Moskovsky Telegraph”]’” [in Russian]. *Russkaya literatura*, no. 4: 133–136.
- . 1988. “K zhurnal’noy bor’be nachala 1830-kh godov (tsenzurnaya istoriya vtorogo nomera ‘Moskovskogo telegrafa’ za 1831 god) [To the Media Struggle of the Early 1830s (Censorship History of the Second Issue of ‘Mosow Telegraph’ for 1831)]” [in Russian]. *Russkaya literatura*, no. 4: 164–175.
- Berezkina, S. V. 2009. “‘Nemtsy’ protiv ‘Yevropeytsa’ [‘Germans’ Against ‘Europeans’]” [in Russian]. *Moskva*, no. 3: 201–213.
- Bobrik, M. A. 1992. “Kashintsov, Kashintsev Nikolay Andreyevich [Kashintsov, Kashintsev Nikolay Andreevich]” [in Russian]. In vol. 2 of *Russkiye pisateli. 1800–1917 [Russian Writers. 1800–1917] : biograficheskiy slovar’ [Biographical Dictionary]*, ed. by M. Nikolayev, 520. 5 vols. Moskva [Moscow]: Bol’shaya Rossiyskaya entsiklopediya.

- Budko, A. A., I. Yu. Bykov, and Ye. F. Selivanov. 2006. *XIX–nachalo XX vv.* [in Russian]. Vol. 3 of *Istoriya voyennoy meditsiny Rossii [History of Military Medecine in Russia]*, ed. by T. Chizh. 4 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Voenno-meditsinskaya akademiya.
- Bulgarin, F. V. 2001. *Vospominaniya [Memoirs]* [in Russian]. Ed. by M. D. Ol'khin. Moskva [Moscow]: Zakharov.
- Del'vig, A. I. 2015. *Polveka russkoy zhizni [Half a Century of a Russian Life]* [in Russian]. Ed. by Yu. Tsurikhina. Moskva [Moscow]: Terra / Knizhnyy klub Knigovek.
- Dubrovin, N. F. 1903. "Nikolay Alekseyevich Polevoy, yego storonniki i protivniki po 'Moskovskomu telegrafu' [Nikolai Alekseevich Polevoy, His Supporters and Opponents by 'Moscow Telegraph']" [in Russian]. *Russkaya starina*, no. 2: 259–270.
- "Iz pisem brat'yev Polevykh k V. I. Karlgofu [From the Letters of the Poleyv Brothers to V. I. Karlgof]." 1912 [in Russian]. *Russkiy arkhiv*, no. 3: 420–422.
- Kazakov, N. I. 1989. "Ob odnoy ideologicheskoy formule nikolayevskoy epokhi [About One Ideological Formula of the Nicholas Era]" [in Russian]. In *Kontekst-1989 [Context-1989]: Literaturno-teoreticheskiye issledovaniya [Literary-Theoretical Researches]*, ed. by A. V. Mikhaylov, 5–41. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Khomyakov, S. A. 1831. "Pis'ma k Pogodinu M. P. 12 marta 1832 g. [Letter to M. Pogodin, March 12, 1831]" [in Russian]. In *OR RGB [Manuscript Section of the Russian State Library]*. 231.II.49–91.
- . 1832. "Pis'ma k Pogodinu M. P. 1832 g. [Letters to M. P. Pogodin]" [in Russian]. In *OR RGB [Manuscript Section of the Russian State Library]*. 231.II.50–77.
- Kopelev, D. N. 2010. *Na sluzhbe Imperii [In the Service of the Empire]: nemtsy i Rossiyskiy flot v pervoy polovine XIX veka [Germans and Russian Navy in the First Half of 19th Century]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Yevropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge.
- Koshelev, A. I. 2002. *Zapiski Aleksandra Ivanovicha Kosheleva (1812–1883) [Notes by Alexander Ivanovich Koshelev (1812–1883)]* [in Russian]. Ed. by T. F. Pirozhkova. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Lemke, M. K. 2014. *Nikolayevskiyeh zhandarmy i literatura 1826–1855 godov [Gendarmes of Nicholas I and literature in 1826–1855]: po podlinnym delam Tret'yego Otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii [Based on Authentic Acts of Third Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: LENAND.
- Moskovskiy telegraf [Moscow Telegraph]*. 1830 [in Russian]. (14).
- Moskovskiy telegraf [Moscow Telegraph]*. 1829 [in Russian]. (16).
- Murav'yev, A. N. 1986. *Sochineniya i pis'ma [Works and Letters]* [in Russian]. Ed. by Yu. I. Gerasimova and S. V. Dumin. With a forew. by O. S. Tal'skaya. Irkut-sk: Vostochno-Sibirskoye knizhnoye izdatel'stvo.
- Nayt, N. 2005. "Nauka, imperiya i narodnost' [Science, Empire, and Narodnost']: etnografiya v Russkom Geograficheskom obshchestve, 1845–1885 [Ethnography in Russian Geographical Society]" [in Russian]. In *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii [Russian Empire in Foreign Historiography]: raboty poslednikh let [Last Years' Works]*, ed. by P. Vert, P. S. Kabytov, and A. I. Miller, 155–198. Moskva [Moscow]: Novoye izdatel'stvo.
- Nikitenko, A. V. 1826–1857 [1826–1857] [in Russian]. Vol. 1 of *Dnevnik [Diary]*, ed. by I. Ya. Ayzenshtok. 3 vols. Moskva [Moscow] and Leningrad: Goslitizdat.
- "O zapreshchenii dlya 'Literaturnoy gazety' retsenzii 'Zamechaniya na stat'yu, pomeshchennuyu v 'Moskovskom telegrafe' sego goda v yanvare mesyatshe, pod nazvaniyem 'Obozreniye XVIII veka, sochineniya Tikhonova'" , iz opaseniya istolkovaniya yeye v nevygodnom dlya

- pravitel'stva smysle [On the Ban for the 'Literary Gazette' of the Review 'Comments on the Article Placed in the "Moscow Telegraph" of This Year in January, Entitled "Review of the 18th Century, Tikhonov's Works"', for Fear of Interpreting it in the Unfavorable Sense for the Government]" [in Russian]. 1831. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 772. 1/324.
- Orlov, V. N. 1934. "Kommentariy [Commentary]" [in Russian]. In *Nikolay Polevoy [Nikolai Polevoy] : Materialy po istorii russkoy literatury i zhurnalistiki tridtsatykh godov [Sources on the History of Russian Literature and Journalism of the 1930s]*, ed. by V. N. Orlov, 355–503. Leningrad: Izdatel'stvo pisateley v Leningrade.
- Petrov, F. A. 1997. *Nemetskiye professora v Moskovskom universitete [German Professors at the Moscow University]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Khristianskoye izdatel'stvo.
- "Po otnosheniyu general-ad'yutanta Benkendorfa o zhurnalakh 'Teleskop' i 'Telegraf' [Concerning the Relation by Adjutant General Benkendorf about the Magazines 'Telescope' and 'Telegraph']" [in Russian]. 1832. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 772. 1/205.
- Polevoy, K. A. 1934. "Zapiski o zhizni i sochineniyakh Nikolaya Alekseyevicha Polevogo [Notes on the Life and Writings of Nikolay Alekseyevich Polevoy]" [in Russian]. In Orlov 1934, 93–351.
- Polevoy, N. A. 1830a. "Nyneshnyaya Italiya [Nowaday Italy]" [in Russian]. *Moskovskiy telegraf*, no. 18: 275–305.
- . 1830b. "Nyneshnyaya Italiya [Nowaday Italy]" [in Russian]. *Moskovskiy telegraf*, no. 19: 447–464.
- . 1830c. "Nyneshnyaya Italiya [Nowaday Italy]" [in Russian]. *Moskovskiy telegraf*, no. 20: 570–575.
- . 1831. "Gore ot uma, proizvodnyashchego vseobshchiy revolyutsionnyy dukh" [in Russian]. *Moskovskiy telegraf* XL (40) (16): 519–521.
- Proskurin, O. A. 2000. *Literaturnyye skandaly pushkinskoy epokhi [Literary Scandals of Pushkin's Time]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: OGI.
- Pushkin, A. S. *Dnevnik 1833–1835 gg. [Diary of 1833–1835]* [in Russian]. In *Kritika, Avtobiografiya [Critique, Autobiography]*, vol. 12 of *Polnoye sobraniye sochineniy [Complete Works]*, ed. by V. V. Gippius, 314–337. 17 vols. Repr. M.: Voskresen'ye, 1996. Moskva [Moscow]: AN SSSR.
- Reytblat, A. I., ed. 1998. *Vidok Figlyarin [Vidocq Figlyarin]: pis'ma i agenturnyye zapiski F. V. Bulgarina v III otdeleniye [Letters and Agent Notes by F. V. Bulgarin for the 3rd Section]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- . 2008. "Tsenzurovaniye teatral'nykh retsenziy v nikolayevskuyu epokhu [Theater Reviews Censoring in Nicholas Time]" [in Russian]. In *Tsenzura v Rossii [Censorship in Russia]: istoriya i sovremennost' [History and Present]*, ed. by M. A. Benina and M. B. Konashev, 64–80. Vyp. 4. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg].
- Safonov, M. M. 1996. "Konstantinovskiy rubl' i 'nemetskaya partiya' [Constantinian Rouble and 'German Party']" [in Russian]. In *Srednevekovaya i novaya Rossiya. Sbornik nauchnykh statey : k 60-letiyu professora Igorya Yakovlevicha Froyanova*, ed. by V. M. Vorob'yev and A. Yu. Dvornichenko, 529–541. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg].
- . 2011. "Mezhdutsarstviye [Interregnum]" [in Russian]. In *Nikolay I: pro et contra [Nicholas I] : lichnost' i deyatel'nost' Nikolaya I v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley. Antologiya [Personality and Activity of Nicholas I as Assessed by Russian Intellectuals and Researchers]*, ed. by T. V. Andreyeva, L. V. Vyskochkov, and D. K. Burlak, 313–340. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg].

- Sergeyev, S. M. 2010. "Khozyayeva' protiv 'nayemnikov': russko-nemetskoye protivostoyaniye v imperatorskoy Rossii" [in Russian]. *Voprosy natsionalizma: Zhurnal nauchnoy i obshchestvenno-politicheskoy mysli*, no. 3: 38–78.
- Severnaya pchela [Northern Bee]*. 1830 [in Russian]. (94).
- Shchukin, P. I., ed. 1903. "Iz tsenzurnoy stariny (1829–1851)" [From the Censorship Antiquity (1829–1851)] [in Russian]. In vol. 2 of *Shchukinskiy sbornik [Schukinsky Collection]*, 302–360. 10 vols. Moskva [Moscow]: A. I. Mamontov.
- Shevchenko, M. M. 2014. "'Ofitsial'noy narodnosti' teoriya ['Official Nationality' Theory]" [in Russian]. In vol. 24 of *Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya [Great Russian Encyclopedia]*, ed. by Yu. S. Osipov, 713–714. 35 vols. Moskva [Moscow]: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
- Sidorova, M. V., and Ye. I. Shcherbakova, comps. 2006. *Rossiya pod nadzorom [Russia Under Supervision]: otchety III otdeleniya 1827–1869. Sbornik dokumentov [Reports of the Third Section, 1827–1869]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Rossiyskiy fond kul'tury / Rossiyskiy Arkhiv.
- Skrynnikov, R. G. 2004. *Pushkin. Tayna gibel'i [Pushkin. Mystery of Death]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Neva.
- Speranskaya, N. M. 2013. "Iyul'skaya revolyutsiya 1830 goda v rossiyskikh gazetakh [The July 1830 Revolution in Russ. Magazines]" [in Russian]. In *Rossiya i Frantsiya: XVIII–XX vv. [Russia and France: 18–20th cc.]: Lotmanovskiye chteniya [Lotman Readings]*, ed. by D. Aleksandr, 135–152. Moskva [Moscow]: RGGU.
- Stasov, V. V. 1903a. "Tsenzura v tsarstvovaniye imperatora Nikolaya I [Censorship in the Reign of Nicholas I]" [in Russian]. *Russkaya starina*, no. 2: 305–328.
- . 1903b. "Tsenzura v tsarstvovaniye imperatora Nikolaya I [Censorship in the Reign of Nicholas I]" [in Russian]. *Russkaya starina*, no. 3: 571–591.
- Sukhomlinov, N. A. 1889. "Polevoy i yego zhurnal 'Moskovskiy telegraf' [Polevoy and His Magazine 'Moscow Telegraph']" [in Russian]. In vol. 2 of *Issledovaniya i stat'i po russkoy literature i prosveshcheniyu [Studies and Articles on Russian Literature and Education]*, by M. I. Sukhomlinov, 367–431. 2 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdaniye A. S. Suvorina.
- Vatsuro, V. E., and M. I. Gille'son. 1986. "'Ruka vsevyshnego Otechestvo spasla' ['The Hand of the Most High Saved the Fatherland']" [in Russian]. In *Skvoz' "umstvennyye plotiny" [Through "Mental Dams"] : ocherki o knigakh i presse pushkinskoy pory [Essays on Books and the Press of the Time of Pushkin]*, 140–164. Moskva [Moscow]: Kniga.
- Vyskochkov, L. V. 2006. *Nikolay I [Nicholas I]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Molodaya gvardiya.
- Zamkov, N. K. 1916. "K istorii 'Literaturnoy gazety' barona A. A. Del'viga [On the History of 'Literary Gazette' by Baron A. A. Delvig]" [in Russian]. *Russkaya starina*, no. 5: 245–281.
- . 1918. "K tsenzurnoy istorii proizvedeniy Pushkina [To the Censorship History of the Works of Pushkin]" [in Russian]. In vol. 29–30 of *Pushkin i yego sovremenniki [Pushkin and His Contemporaries] : materialy i issledovaniya [Sources and Researches]*, ed. by B. L. Modzalevskiy, 49–62. 39 vols. Petrograd: Imperatorskaya Akademiya nauk.